

A group of white albatrosses is gathered on a rocky, vegetated cliff overlooking the ocean. The birds are the central focus, with some standing and others sitting. The background shows a rugged coastline with waves crashing against the rocks under a clear sky.

Максим Козлов
**Береговой
лежбище
альбатроса**

18+

Максим Козлов

Береговой лежбище альбатроса

«Автор»

2026

Козлов М.

Береговой лежбище альбатроса / М. Козлов — «Автор», 2026

«Береговое лежбище альбатроса» — документальный роман о природе жестокости, маскирующийся под полевой дневник. Этолог Михаил Белов отправляется на отдалённый остров в северной Атлантике изучать колонию альбатросов. Вместо ожидаемой гармонии он обнаруживает, что около десяти процентов птиц без всякой видимой причины убивают птенцов своего вида — не ради еды, не ради территории, не ради самки. Просто убивают и уходят. Пытаясь объяснить этот феномен, учёный приходит к шокирующей гипотезе: склонность к немотивированному насилию — не патология и не следствие среды, а врождённая характеристика, заложенная в генах всех социальных животных, включая человека. История о научном поиске, который превращается в личную драму, когда общество отказывается слышать правду, а исследователь вынужден выбирать между карьерой и истиной. Это книга о том, что зло не снаружи — оно внутри, и единственное, что мы можем сделать, — научиться с ним жить. Без иллюзий. Без самообмана. Но с надеждой.

© Козлов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Максим Козлов

Береговой лежбище альбатроса

Глава первая

Остров лежал в океане как белая кость. Скалы поднимались из воды отвесно, и волны разбивались о них с монотонным гулом, который не смолкал никогда. Когда катер подошёл ближе, стали видны птицы. Их были тысячи. Они покрывали скалы сплошным белым ковром, и воздух над островом дрожал от их крыльев.

Михаил стоял на носу катера, держась за леер. Брызги летели ему в лицо, но он не отворачивался. Ему было сорок два, и он ждал этого момента три года — с тех пор как впервые прочитал отчёт норвежской экспедиции, которая обнаружила здесь крупнейшее лежбище северных альбатросов за пределами Антарктики. В отчёте было всего три страницы и четыре фотографии плохого качества, но Михаил перечитывал его десятки раз.

— Красиво, — сказал кто-то за спиной.

Михаил обернулся. Это был Волков, орнитолог из Москвы, молодой парень с вечно красными от недосыпа глазами. Михаил взял его в экспедицию по рекомендации, хотя видел его всего два раза. У Волкова была репутация человека, который может работать по восемнадцать часов и не жаловаться. Для этого острова это было главное требование.

— Птичий город, — сказал Михаил. — Они живут здесь круглый год. Не улетают на зиму.

— Я читал, — кивнул Волков. — Странно для альбатросов.

— Здесь тёплое течение. И рыбы много. Им незачем улетать.

Катер заглушил двигатель. Стало слышно птиц — резкие гортанные крики, хлопанье крыльев, шум, похожий на шум далёкого водопада. Запах ударил в нос — гуано, рыба, соль, что-то кислое, почти невыносимое. Михаил вдохнул глубже. Он знал этот запах. Он пах работой.

Они выгружались два часа. Шесть человек команды, плюс оборудование — ящики с камерами, датчиками, консервами, спальные мешки, генератор, топливо, две надувные лодки, бинокли, штативы. Капитан катера, молчаливый исландец с лицом, изрезанным ветром, смотрел на всё это с плохо скрываемым неодобрением.

— Три месяца, — сказал он Михаилу. — Я вернусь через три месяца. Если погода позволит. Если нет — через четыре.

— Мы знаем.

— Воды здесь плохие. Очень плохие. Если что-то случится, помощи не будет. Ближайшая станция — на Фарерах, шестьсот миль.

— Мы знаем, — повторил Михаил.

Исландец сплюнул в воду и отвернулся. Через полчаса катер уже был точкой на горизонте, а потом исчез совсем. Они остались одни.

Остров назывался Эйдисхольм. На картах он обозначался крошечной точкой, которую легко было пропустить. Никто не жил здесь, кажется, никогда. Ни стоянок древних людей, ни остатков хижин, ни могил. Только птицы. И скалы. И море, которое ревело день и ночь, не умолкая.

Первую неделю они обустроивали лагерь. Место выбрали на восточном склоне, где скала делала небольшую террасу, защищённую от ветра. Поставили две палатки — одну для жилья, вторую для оборудования. Протянули тросы, чтобы держаться в шторм. Сложили камнями очаг. Всё это делалось молча, сосредоточенно — каждый знал свою работу.

Михаил наблюдал за птицами. Он делал это каждый свободный час, сидя на краю скалы с биноклем и блокнотом. Альбатросы жили своей жизнью, не обращая на людей внимания. Они строили гнёзда из травы и перьев, откладывали яйца, сидели на них попеременно — самец и самка сменяли друг друга каждые несколько часов. Птенцы вылуплялись пушистыми серыми комками и начинали требовать еду почти сразу.

— Как часы, — сказал Волков на восьмой день. — Всё по расписанию. Удивительно синхронизированная колония.

Михаил кивнул. Он уже заметил это. Все пары в колонии делали одно и то же в одно и то же время. Кладка яиц заняла три дня. Вылупление — четыре. Сейчас сотни птенцов были примерно одного возраста, и родители кормили их отрыгнутой рыбой с одинаковыми интервалами.

— У них есть социальные связи? — спросил Волков.

— Есть. Соседние гнёзда. Пары узнают друг друга. Иногда помогают отгонять хищников, хотя хищников здесь нет.

— Вообще нет?

— Крыс нет. Кошек нет. Поморники есть, но они редко нападают на альбатросов — слишком крупные.

— Рай, — усмехнулся Волков.

Михаил промолчал. Он не верил в рай. Он верил в наблюдение и записи в блокноте.

К концу второй недели они наладили систему. Каждое утро Михаил обходил колонию по периметру, считал птиц, отмечал изменения. Волков работал с камерами — они расставили восемь автоматических камер в разных точках лежбища, которые снимали круглые сутки. Остальные члены экспедиции занимались пробами — гуано для анализа почвы, вода из ручья, образцы яичной скорлупы.

Вечерами они сидели у очага. Говорили мало. Михаил вообще не любил разговоров, а после целого дня среди птичьего гвалта тишина казалась почти физическим облегчением. Волков иногда рассказывал о прошлых экспедициях, но быстро замолкал, наткнувшись на молчание Михаила.

На семнадцатый день это произошло.

Михаил сидел на своём обычном месте, наблюдая за восточной частью колонии. Там было около трёхсот гнёзд, расположенных плотнее, чем в других частях лежбища. Птенцам было уже около трёх недель — они начали покрываться первым настоящим оперением, становились подвижнее.

Он заметил движение в стороне. Взрослый альбатрос — судя по размеру, самец — отделился от своей пары и пошёл через колонию. Он шёл медленно, переваливаясь, как ходят все альбатросы на земле — они неуклюжие на суше, не созданные для ходьбы. Михаил машинально отметил в блокноте время и номер птицы. У них была система мечения — они надели цветные кольца на несколько десятков особей в первые дни. Этот был с синим кольцом на левой лапе, номер 47.

Самец шёл мимо чужих гнёзд. Михаил ждал, что соседние птицы прогонят его — обычно альбатросы агрессивно защищают границу гнезда, особенно когда есть птенцы. Но они не реагировали. Странно. Михаил нахмурился и прижал бинокль плотнее.

Птица номер 47 подошла к гнезду, где сидел птенец. Взрослых не было — вероятно, оба ушли за рыбой. Птенец поднял голову и открыл клюв, ожидая кормления.

Альбатрос ударил его клювом.

Михаил вздрогнул. Удар был точным и сильным — прямо в голову птенца. Тот дёрнулся и упал на бок. Самец ударил ещё раз. И ещё. Он бил методично, молча, без крика. Птенец перестал двигаться. Альбатрос продолжал бить его в голову и шею, пока пух не пропитался кровью.

Михаил опустил бинокль. Его руки слегка дрожали. Он протёр глаза — может быть, что-то померещилось, усталость, напряжение. Снова поднял бинокль.

Альбатрос номер 47 стоял над мёртвым птенцом. Он не пытался его есть. Он просто стоял. Потом развернулся и пошёл обратно к своему гнезду тем же медленным переваливающимся шагом.

Михаил сидел неподвижно минуту, может быть, две. Потом встал и пошёл в лагерь.

— Волков.

Тот поднял голову от ноутбука.

— Что-то случилось?

— Иди за мной. Камеру возьми.

Они вернулись к месту наблюдения вдвоём. Михаил показал на гнездо. Даже без бинокля было видно тёмное пятно на сером фоне скалы.

— Там труп птенца, — сказал Михаил. — Его убил взрослый самец. Не для еды. Просто убил и ушёл.

Волков долго смотрел в бинокль. Потом опустил его.

— Может, птенец был больной?

— Может. Но это не объясняет, почему самец из другого гнезда убил его и бросил.

— Может, случайность. Может, он ошибся, принял за угрозу.

— Птенец лежал и открывал клюв для еды. Какая угроза?

Волков молчал.

Они поставили дополнительную камеру над этим сектором и вернулись в лагерь. Вечером Михаил пересмотрел запись с основной камеры — та захватывала край события. Всё было именно так, как он видел. Альбатрос номер 47 подошёл к чужому гнезду, убил птенца и ушёл.

— Надо написать в институт, — сказал Волков.

— Что написать? Что один альбатрос убил одного птенца? Скажут — естественное поведение, инфантицид у птиц известен, львы тоже убивают чужих детёнышей.

— Но этот не занял гнездо. Не получил самку. Просто убил и ушёл.

— Вот именно, — сказал Михаил. — Давай подождём. Может, это правда случайность. Аномалия. Больная особь.

Прошло три дня. Михаил почти не спал — он проводил у колонии всё светлое время, а ночами просматривал записи с камер. Он стал худее, глаза запали, но двигался он быстрее обычного, почти лихорадочно. Он чувствовал что-то. Что-то, чему ещё не было названия.

На четвёртый день это случилось снова. Другая птица, на этот раз самка, убила двух птенцов в разных гнёздах с интервалом в два часа. Запись показывала то же самое — целенаправленное, спокойное убийство без всякой видимой причины.

На пятый день они зафиксировали три случая.

— Процент, — сказал Михаил. — Какой процент популяции это делает?

Они стали считать. Михаил разработал методику — они разбили колонию на сектора и организовали непрерывное наблюдение за каждым. Спали по очереди, по четыре часа. Записи с камер пересматривали дважды — сначала в ускоренном режиме, потом, если находили подозрительный эпизод, покадрово.

Через две недели у них были цифры.

— Девять и семь десятых процента, — сказал Волков. Голос у него был глухой. — Примерно каждая десятая птица в колонии хотя бы раз убила птенца. Некоторые — несколько раз.

— Выборка?

— Мы наблюдали за четырьмястами двенадцатью взрослыми особями. Из них сорок совершили инфантицид. Не для еды. Не для захвата территории. Не для спаривания. Просто убили и ушли.

Михаил сидел на ящике с оборудованием и смотрел на свои руки. Они были в мелких порезах от скал, с грязью под ногтями, которую не брала никакая вода. Он думал. В голове крутились цифры — девять и семь, девять и семь.

— У людей, — сказал он тихо, — процент психопатов в популяции — от одного до четырёх, по разным оценкам. Но психопатия — это не только насилие. Это отсутствие эмпатии вообще. А если выделить только тех, кто совершает насилие без прагматической цели садистов, если называть вещи своими именами

— Ты серьёзно? — Волков смотрел на него. — Ты сравниваешь альбатросов с людьми?

— Я не сравниваю. Я смотрю на цифры.

— Это птицы.

— Мы тоже животные, Волков. Просто с большим мозгом и способностью к самообману.

Волков покачал головой и вышел из палатки. Михаил остался сидеть. Он достал блокнот и начал писать. Он писал быстро, почти не глядя на бумагу. Идея, которая пришла к нему в голову, была слишком большой, чтобы держать её в себе. Она была страшной. Она была такой страшной, что он не мог её отпустить.

Суть была проста. Если у альбатросов есть фиксированный процент особей, склонных к беспричинному насилию, и если эти особи не отличаются от остальных ничем, кроме поведения — значит, это не патология. Это не болезнь. Это не ошибка природы. Это норма. Часть нормы. Видовая характеристика.

И если это так у птиц — почему у людей должно быть иначе?

Человек — единственное животное, которое убивает ради удовольствия. Так считалось всегда. Так говорили философы, моралисты, теологи. Человеческая жестокость — это продукт культуры, цивилизации, грехопадения, классового общества — выберите теорию по вкусу. Но если альбатросы делают то же самое? Просто потому что у них мозг так устроен? Просто потому что определённый процент особей рождается с этим?

Михаил закрыл блокнот. Он пошёл к скале и сел на своё обычное место. Солнце садилось в океан, птицы успокаивались на ночь, их крики становились реже, тише. Пахло солью и гуано. Где-то далеко ревел прибой.

Он думал о том, что всю жизнь искал объяснения. Почему люди делают то, что делают. Почему он сам — человек, который никогда не поднимал руку на другое существо, даже на насекомое без нужды, — чувствовал иногда вспышки ярости, которые пугали его самого. Почему его отец, тихий инженер из Воронежа, однажды сломал соседу рёбра в пьяной драке и потом плакал, сидя на кухне, и говорил: «Я не знаю, что на меня нашло».

Может быть, ничего не «находило». Может быть, оно всегда там было. Просто спало.

Через месяц они отправили первый отчёт. Михаил писал его пять дней, тщательно подбирая слова. Он описал факты — только факты, без интерпретаций. Инфантицид у северных альбатросов. Частота. Методы. Отсутствие видимых причин. Он намеренно не проводил параллелей с человеческим поведением. Статья была сухой, академичной, безупречной в своей осторожности.

Ответ пришёл через две недели, по спутниковой связи. Рецензент из орнитологического института в Осло оценил наблюдения как «интересные, но требующие дополнительной проверки». Он предположил, что убитые птенцы могли быть потомством от предыдущего партнёра — известный феномен у некоторых видов. Или что птицы могли страдать от какого-то заболевания, влияющего на поведение. «Автору рекомендуется избегать поспешных обобщений».

Михаил прочитал письмо дважды и удалил.

— Что я тебе говорил, — сказал Волков.

— Мы продолжим наблюдения.

— Три месяца почти прошли. Катер придёт через две недели.

— Я останусь.

Волков долго смотрел на него. Потом сел рядом.

— Ты понимаешь, что это звучит как одержимость?

— Это наука.

— Это одержимость, Михаил. Ты видишь то, что хочешь видеть.

— Я вижу то, что видят камеры. Это не интерпретация. Это записи.

— Интерпретация — это когда ты говоришь, что альбатросы как люди.

— Я этого не говорил. Пока.

Волков вздохнул. Он был молодым и хорошим специалистом, но у него не было того, что было у Михаила — готовности идти до конца, даже если конец этот никому не понравится. Даже если он тебе самому не понравится.

Катер пришёл через две недели, как обещали. Трое членов экспедиции уплыли с ним. Волков остался. И Михаил. И ещё один — техник по имени Петерсен, датчанин лет пятидесяти, который мало говорил и много работал. Они перезаключили договор с капитаном — ещё на четыре месяца. Институт в Осло выделил дополнительное финансирование, хотя и с явной неохотой.

Они продолжили работу.

К концу пятого месяца у них были данные по двум сезонам размножения. Процент убийств оставался стабильным — от девяти до одиннадцати. Михаил выделил группу «убийц» — птиц, которые совершали инфантицид повторно. Он снимал их поведение во всех контекстах — кормление, спаривание, взаимодействие с партнёром, с соседями. Он искал отличие. Любое отличие — в гормональном фоне, в реакциях на стресс, в социальном статусе.

Отличий не было. Птицы-убийцы были такими же, как все остальные. Они нормально спаривались, нормально высиживали яйца, нормально кормили собственных птенцов. А потом в какой-то момент шли и убивали чужих. Как будто что-то переключалось у них в голове. Или, наоборот, что-то, что у нормальных птиц блокирует агрессию против птенцов, у них отсутствовало.

— Это похоже на неврологическую особенность, — сказал Михаил однажды вечером. — Не болезнь, а особенность строения мозга. Что-то в миндалевидном теле, может быть. Или в префронтальной коре.

— У альбатросов нет префронтальной коры в нашем понимании, — заметил Волков.

— Аналог. Гомолог. Неважно. Важно, что это врождённое. Они рождаются такими.

— Мы не знаем этого.

— Узнаем. Нужно растить птенцов в изоляции и смотреть, проявится ли поведение.

Волков покачал головой.

— Это годы работы. И лабораторные условия.

— Значит, будут годы работы.

Михаил встал и вышел к скалам. Ночь была ясной, звёзды висели низко, как бывает только в северных широтах. Птицы спали. Только некоторые — он знал, что некоторые — нет. Может быть, прямо сейчас одна из птиц шла через колонию к чужому гнезду.

Он думал о статье, которую напишет. Не сейчас — сейчас ещё рано, слишком мало данных, слишком много возможных возражений. Но через год? Через два? Он напишет её. И она изменит всё. Она скажет людям то, что они не хотят слышать. То, что они всегда подозревали, но боялись произнести вслух.

Что чудовище не снаружи. Что оно внутри. В генах. В мозге. В самой природе вещей.

Михаил стоял на краю скалы и смотрел в темноту. Ветер трепал его волосы. Он чувствовал странное спокойствие — спокойствие человека, который нашёл ответ на вопрос, мучивший его всю жизнь. Ответ ему не нравился. Но он был правдой.

А правда — это единственное, ради чего стоило жить.

Он повернулся и пошёл обратно в лагерь. Завтра начинался новый день наблюдений. Нужно было спать. Завтра будет много работы.

Глава вторая

Первый год на острове закончился без фанфар. Катер пришёл в конце ноября, когда море стало серым и злым, и забрал всех, включая Михаила. Волков улетел в Москву, Петерсен — в Копенгаген. Михаил вернулся в Осло.

Институт встретил его вежливо. Заведующий кафедрой, профессор Ларссон, сухой швед с привычкой щуриться, когда он слушал что-то неприятное, прочитал предварительный отчёт и отложил его на край стола, как откладывают вещь, к которой не хочется прикасаться.

— Интересные наблюдения, — сказал он. — Но вы понимаете, Михаил, что инфантицид у птиц — тема, которая требует очень осторожного подхода?

— Я осторожен.

— Ваши данные говорят о беспричинном убийстве. Это сильное утверждение. Очень сильное. Вы уверены, что исключили все возможные альтернативные объяснения?

— Мы исключили голод. Исключили конкуренцию за гнездо. Исключили месть за предыдущее вторжение. Мы исключили всё, что можно было исключить.

Ларссон помолчал. Он смотрел в окно, за которым падал мокрый снег — обычная осенняя погода в Осло.

— Я читал ваши записи. Все. Вы провели хорошую работу. Но я не могу одобрить продолжение в том виде, в каком вы предлагаете.

— В каком?

— Изоляционный эксперимент. Вы хотите отловить две сотни альбатросов, перевезти их в вольер на материке, создать искусственную колонию и наблюдать пять лет. Вы представляете бюджет? Вы представляете логистику? Вы представляете, сколько разрешений для этого нужно?

— Я всё посчитал. Смета в приложении семь.

— Я видел смету. Она сравнима с бюджетом небольшой арктической станции. Никто не даст таких денег под гипотезу, которую большинство коллег считает как минимум спорной.

Михаил сидел на стуле прямо, положив руки на колени. Он знал, что этот разговор будет трудным. Он готовился к нему.

— Большинство коллег не видели данных. Они видели только краткую публикацию.

— Они видели достаточно, чтобы задавать вопросы. Например, почему вы сравниваете альбатросов с людьми. В вашем черновике статьи есть абзац, который вы потом вычеркнули. Я его видел. Вы писали о психопатии у людей.

— Это был черновик.

— Это опасно, Михаил. Наука не делается в вакууме. Если вы опубликуете материал, в котором утверждается, что склонность к насилию — врождённое качество высших животных, включая человека, вас разорвут. Не только научное сообщество. Пресса. Политики. Обычные люди. Вы готовы к этому?

Михаил молчал. Ларссон вздохнул и снял очки.

— Я дам вам совет. Не как начальник, а как старший коллега. Опубликуйте наблюдения по инфантициду у альбатросов. Чистая этология. Факты, цифры, без интерпретаций. Это будет хорошая статья, её примут в приличном журнале. И забудьте про параллели с человеком. Это не ваша область, и вы там утонете.

— Это моя область, — сказал Михаил. — Я этолог. Я изучаю поведение животных, чтобы понять поведение человека. В этом весь смысл этологии.

— Этология Конрада Лоренца закончилась в семидесятых. Сейчас не принято объяснять человеческое поведение инстинктами. Это считается редуционизмом.

— Я знаю, что сейчас принято. Меня не интересует, что принято.

Ларссон надел очки и посмотрел на Михаила долгим взглядом. Потом кивнул, как будто принял решение.

— Хорошо. Я подпишу вам продление полевых работ на острове. Ещё один сезон. Но без вольера. Без изоляции. Только наблюдение. И никаких публикаций о связи с человеком без моего одобрения. Это условие.

— Согласен.

Михаил вышел из кабинета и пошёл по коридору, устланному линолеумом в мелкую крапинку. В институте пахло пылью и старой бумагой. На стенах висели портреты учёных, которых уже никто не помнил. Ему было сорок три, и он чувствовал, как время утекает сквозь пальцы, как вода сквозь сеть. Каждый год, потраченный на уговоры и компромиссы, был годом, который он не проведёт на острове, с птицами, с данными, которые нужны ему как воздух.

Он не сказал Ларссону всей правды. Он вообще мало кому говорил правду. Но в блокноте, который он носил во внутреннем кармане, уже был план изоляционного эксперимента. Не на двести птиц. На пятьдесят. И не на материке. На острове, на дальнем конце, за скальной грядой, где была небольшая лагуна, закрытая от основной колонии. Он присмотрел это место ещё летом. Там можно построить вольер из сетки. Нужны только деньги и время. Деньги у него были — наследство от матери, небольшая квартира в пригороде Осло, которую он мог продать. Время — он заставит время работать на себя.

Зимой он работал в библиотеке. Институтская библиотека была старой, с высокими потолками и деревянными стеллажами, которые пахли воском и временем. Он читал всё, что мог найти по нейробиологии насилия. Исследования на мышах. На крысах. На обезьянах. Работы по миндалевидному телу, по серотонину, по тестостерону, по эпигенетике агрессии. Он читал криминальную психологию — профили серийных убийц, статистику рецидивов, отчёты комиссий по насилию. Он читал философию — Гоббса, Руссо, Ницше, Арендт. «Банальность зла» он перечитал трижды, делая пометки на полях карандашом, который почти не оставлял следа.

К весне у него была теория. Не гипотеза — пока ещё не гипотеза в научном смысле, — но связанная картина, которая объясняла слишком многое, чтобы быть просто фантазией.

Суть была в следующем. У всех социальных животных — от муравьёв до приматов — существует внутривидовое насилие. Большая часть этого насилия функциональна: конкуренция за ресурсы, за статус, за самок, защита территории. Это понятно. Это вписывается в дарвиновскую логику. Но есть небольшой процент насилия, который не имеет функции. Он не даёт преимущества. Он не помогает выживанию. Он существует сам по себе, как шум, как побочный продукт какого-то другого эволюционного механизма.

Какого? Михаил думал об этом месяцами. Ответ пришёл к нему ночью, в общежитии института, когда он лежал без сна и слушал, как ветер стучит в окно.

Агрессия — это инструмент. Как любой инструмент, у него есть порог срабатывания. У большинства особей этот порог высок — нужен серьёзный стимул, чтобы агрессия включилась: угроза, голод, соперник. Но в любой популяции есть разброс. У кого-то порог ниже, у кого-то выше. Это нормальное распределение, гауссова кривая. И небольшой процент особей рождается с порогом агрессии настолько низким, что стимул не нужен вообще. Агрессия включается сама. Как зуд, который нужно почесать.

Это не патология. Это край нормального распределения. Левый край колокола. Но он всегда есть. У всех. У альбатросов. У шимпанзе. У людей.

Если эта теория верна, то десять процентов альбатросов-убийц — не ошибка, не болезнь, не аномалия. Это математика. Простая математика биологии.

Он записал всё это в отдельную тетрадь, которую не показывал никому. Он понимал, что пока это только спекуляция. Нужны были доказательства. Нужен был эксперимент.

В мае он вернулся на Эйдисхольм.

Остров встретил его тем же запахом — гуано, соль, рыба. Птицы вернулись на гнездовья после зимы, которую они проводили в открытом море. Колония гудела. Михаил шёл по тропе от места высадки к старому лагерю и чувствовал, как напряжение последних месяцев уходит из плеч, из шеи, из челюстей. Здесь всё было просто. Здесь были факты. Птицы и их поведение. Всё остальное — институты, комитеты по этике, рецензенты, насмешки коллег — осталось там, на материке, вместе с мокрым снегом Осло.

С ним приехали двое. Волков, который отказался от места в московском институте ради второго сезона на острове — Михаил не спрашивал почему, но подозревал, что Волкову тоже нужно было что-то доказать, кому-то, может быть, себе. И новый человек — нейробиолог из Тромсё, женщина по имени Анна, лет тридцати пяти, с коротко стриженными волосами и манерой говорить прямо, без обиняков.

— Я читала ваш отчёт, — сказала она в первый же день, когда они сидели на ящиках и разбирали оборудование. — Мне понравилось. Не понравилось, как вы интерпретировали, но данные хорошие.

— А что не так с интерпретацией?

— Вы склонны видеть паттерны там, где их может не быть. Десять процентов инфантицида — это может быть тысяча причин. Вы выбрали одну. Самую мрачную.

— Я не выбирал. Она сама выбралась.

Анна усмехнулась. У неё была улыбка человека, который привык иметь дело с трудными мужчинами и не бояться их.

— Посмотрим. Я здесь, чтобы анализировать кровь птиц. Гормоны стресса, тестостерон, серотонин. Может быть, найду физиологический коррелят ваших «убийц». Если найду — отлично, будет биохимия. Если не найду — тогда ваша теория станет чуть более вероятной.

— Справедливо.

Они начали работу на следующий день. Анна развернула полевую лабораторию в старой палатке для оборудования — микроскоп, центрифуга, пробирки, реагенты, всё компактное, армейского образца. Она ловила птиц силками, брала кровь из крыльевой вены и отпускала. Михаил наблюдал за её работой с уважением — она была быстрой и точной, птицы страдали меньше минуты.

Волков занялся камерами. За зиму он достал новое оборудование — камеры с ночным видением, способные снимать в инфракрасном диапазоне. Теперь они видели всё, что происходило в колонии, двадцать четыре часа в сутки.

Михаил взял на себя самое трудное. Он начал строить вольер.

Место он выбрал ещё в прошлом году — небольшая лагуна на северо-западной оконечности острова, отделённая от основной колонии скальной грядой высотой метров двадцать. В лагуне была пресная вода — ручей, сбегаящий со скал, — и достаточно места для двух-трёх десятков гнёзд. Михаил привёз с собой сетку, столбы, крепёж. Он работал один, вручную, день за днём. Долбил скальную породу для столбов, натягивал сетку, укреплял углы. Через месяц вольер был готов — огороженный участок берега площадью около двух тысяч квадратных метров, с выходом к воде, но перекрытый сеткой сверху, чтобы птицы не улетели.

Волков смотрел на это и молчал. Анна сказала только: «Ларссон не в курсе, да?»

— Нет.

— Это нарушение примерно десяти пунктов разрешения.

— Знаю.

— Если институт узнает, вас уволят.

— Знаю.

Она больше не спрашивала. Она вообще была из тех людей, которые понимают одержимость. Может быть, потому что у неё была своя.

В середине июня они отловили первых птиц для вольера. Михаил выбрал двадцать четыре особи — двенадцать самцов и двенадцать самок, все молодые, в возрасте первой кладки. У них не было опыта гнездования в большой колонии, не было опыта убийства. Они были, насколько можно было судить, чистыми листами.

Их поместили в вольер. Первые дни птицы метались вдоль сетки, бились о неё крыльями, отказывались от еды. Михаил сидел снаружи и ждал. Он знал, что альбатросы привыкают медленно, но привыкают. Через неделю они начали есть рыбу, которую он оставлял на камнях. Через две — начали строить гнёзда.

— Они адаптируются, — сказала Анна. — Это хороший знак.

— Хороший для них или для эксперимента?

— Для обоих.

Вольер стал их вторым лагерем. Михаил проводил там всё свободное время, наблюдая за маленькой колонией в бинокль. Он завёл отдельный журнал — «Вольер. Год первый». В него он записывал каждое событие: кормление, спаривание, постройку гнёзд, агрессивные стычки. Агрессии пока было мало — птицы осваивались, устанавливали иерархию, разбирали территорию. Это была нормальная, функциональная агрессия, ожидаемая и предсказуемая.

В большой колонии тем временем продолжалось то же, что и в прошлом году. Птенцы вылупились в конце июня — тысячи пушистых комков, пищащих и требующих еды. Михаил и Волков возобновили круглосуточное наблюдение. Анна брала кровь у каждой птицы, которую удавалось поймать, и у каждой, которую они идентифицировали как убийцу. Она искала коррелят. Гормональный сдвиг. Маркер стресса. Что угодно, что отличало бы убийц от нормальных птиц.

К концу июля у неё не было ничего.

— Кортизол в норме, — сказала она вечером, сидя у очага. В руках у неё была кружка с чаем, пар поднимался в холодный воздух. — Тестостерон в норме. Серотонин — небольшое снижение, но в пределах статистической погрешности. Физиологически эти птицы неотличимы от остальных.

— Я же говорил, — сказал Михаил.

— Это не доказывает вашу теорию. Это только доказывает, что простого гормонального объяснения нет. Может быть, есть сложное. Может быть, дело в рецепторах, а не в уровне гормонов. Может быть, в нейромедиаторах, которые мы не можем измерить в полевых условиях.

— Или дело в структуре мозга. Врождённой. Независимой от гормонов.

Анна посмотрела на него. В свете костра её лицо казалось вырезанным из дерева — резкие черты, глубокие тени.

— Вы хотите, чтобы это было правдой, — сказала она. — Я не понимаю почему. Если ваша теория верна, это означает, что мы ничего не можем сделать с жестокостью. Никогда. Вы этого хотите?

— Я хочу знать правду.

— Это не ответ.

Михаил долго смотрел в огонь. Потом сказал:

— Когда мне было двенадцать, у меня был друг. Его звали Олег. Мы жили в одном дворе. Однажды он поймал голубя, привязал к лапе нитку и поджёг её. Голубь взлетел, горящий, и упал через несколько метров. Олег смеялся. Ему нравилось. Он не был злым мальчиком. У него были хорошие родители, его не били, у него было всё нормально. Но ему нравилось. Я думал об этом всю жизнь. Почему ему нравилось? Откуда это взялось? Если это воспитание — то почему у его брата, который рос в той же семье, такого не было? Если это среда — почему тогда из одной среды выходят и святые, и убийцы?

— Вы хотите найти алиби для Олега? — спросила Анна. — Сказать, что он не виноват, потому что родился таким?

— Я хочу понять, — сказал Михаил. — Просто понять.

Они замолчали. Прибой гудел внизу, птицы спали. Где-то в темноте, в вольере за скалой, двадцать четыре альбатроса проживали свою новую жизнь в идеальных условиях — без хищников, без голода, без конкуренции. Михаил думал о том, что через год или два они начнут размножаться. И тогда он увидит то, ради чего всё это затеял. Увидит, проявится ли жестокость в раю.

Если да — у него будет ответ. Если нет — значит, он ошибался. Он почти хотел ошибиться.

Август принёс шторм. Такого шторма они ещё не видели — ветер с Атлантики, который срывал пену с волн и швырял её в скалы с силой пушечного ядра. Две палатки сорвало, одну унесло в море. Они укрепили оставшуюся всем, чем могли — тросами, камнями, собственными телами. Анна прижимала к груди контейнер с образцами крови, как ребёнка. Волков, бледный от холода, держал генератор. Михаил стоял у входа в палатку и смотрел на колонию.

Птицы пережидали шторм, прижавшись к скалам. Птенцы прятались под родителями. Ветер выл так, что заглушал крики птиц. Но колония держалась. Тысячи лет эволюции научили альбатросов переживать шторма.

Шторм кончился на третьи сутки. Море успокоилось так же внезапно, как взбесилось. Солнце вышло, и остров засиял — мокрые скалы блестели, как полированный камень. Птицы начали разбирать разрушенные гнёзда. Птенцы, пережившие шторм, выбирались из-под родительских крыльев, оглушённые, но живые.

И тогда это случилось снова. Даже чаще, чем в прошлом году. Как будто шторм что-то сдвинул в птицах, ослабил какой-то тормоз. За три дня после шторма они зафиксировали одиннадцать убийств. Одиннадцать птенцов, убитых взрослыми птицами без всякой причины. Михаил смотрел на записи с камер, и его лицо ничего не выражало. Он только записывал цифры в журнал.

— Одиннадцать за три дня, — сказал Волков. — Это выше нормы.

— После шторма. Стресс. Это объяснимо.

— Ты защищаешь свою же теорию или опровергаешь?

Михаил не ответил. Он смотрел на экран ноутбука, где застыл кадр — взрослый альбатрос над мёртвым птенцом. Клюв птицы был в крови. Глаза были спокойны.

— Это не стресс, — сказал он наконец. — Это возможность. Шторм нарушил порядок в колонии, ослабил социальный контроль. И те, кто всегда готов убивать, получили возможность. Вот и всё.

— Значит, общество их сдерживает?

— Да. Как у людей. Страх наказания. Социальное давление. Вот что держит десять процентов от убийства.

Анна, которая слушала разговор, сидя на корточках у своей лаборатории, подняла голову.

— Это получается, что без общества все мы — убийцы?

— Не все. Десять процентов. Остальные девяносто могут жить без насилия.

— А эти десять процентов среди нас? — спросила она. — Здесь, на острове? В этой палатке?

Вопрос повис в воздухе. Волков посмотрел на Михаила. Михаил — на Анну. Никто не улыбался.

— Статистически — да, — сказал Михаил. — Из четырёх человек статистически может быть носитель. Но статистика не работает на малых выборках.

— Утешительно, — сказала Анна и вернулась к своим пробиркам.

Вольер пережил шторм хорошо. Сетка выдержала, столбы устояли. Птицы внутри, напуганные, но целые, жались к дальней стене. Михаил проверил каждую — все двадцать четыре были живы. Он дал им свежей рыбы и пресной воды. Они начали есть.

Вечером он сидел у вольера и смотрел, как солнце садится за скалы. Он думал о предстоящем сентябре, когда катер заберёт их с острова. Он думал о статье, которую начнёт писать сразу по возвращении. У него было достаточно данных для публикации — два сезона наблюдений, цифры, статистика. Без интерпретаций, как советовал Ларссон. Просто факты.

Но он знал, что факты заговорят сами. Десять процентов — это слишком точная цифра, чтобы быть случайностью. Десять процентов альбатросов убивают без причины. Десять процентов шимпанзе в колонии Гудолл проявляли немотивированную агрессию. Десять процентов людей в любом обществе, по некоторым оценкам, имеют садистические наклонности. Совпадение? Может быть. А может быть — закон природы, который никто не хотел формулировать вслух.

Он думал об Олеге, мальчике с горящим голубем. Где он сейчас? Может быть, у него семья, дети, работа. Может быть, он никогда больше не причинил никому вреда. Может быть, общество сдержало его, как сдерживает большинство. А может быть — нет. Может быть, он сидит в тюрьме. Или лежит в земле. Или носит дорогой костюм и управляет компанией, и никто не знает, что ему снится по ночам.

Михаил достал блокнот и при свете угасающего дня написал одну фразу:

«Мы не падаем. Мы рождаемся упавшими. Просто некоторым удаётся встать».

Он перечитал написанное, усмехнулся — слишком пафосно, не для научной статьи — и вырвал страницу. Но не выбросил. Сложил и убрал в карман.

В сентябре пришёл катер. Они погрузили оборудование, образцы, записи. Вольер остался на острове — ждать следующего сезона. Птиц из вольера Михаил не стал выпускать. Они остались внутри, на полном обеспечении. Он оставил автоматические кормушки с запасом на месяц и камеры, которые будут снимать весь год. Если птицы переживут зиму — эксперимент продолжится. Если нет — значит, нет.

Капитан-исландец, тот же, что и в прошлый раз, курил трубку и смотрел на учёных с привычным скепсисом.

— Вы странные люди, — сказал он Михаилу. — Третий год сюда ходите. Что вы ищете?

— Птиц.

— Птиц можно смотреть где угодно. Зачем этот остров?

— Здесь особенные птицы.

Исландец хмыкнул и выбил трубку о поручень.

— Все птицы особенные. Просто люди не умеют смотреть.

Катер взял курс на юго-восток. Остров уменьшался за кормой, превращаясь в белую точку, потом в ничто. Михаил стоял на палубе и смотрел назад. Он думал о двадцати четырёх птицах в вольере, которые остались там одни, в темноте, под ветром. О птицах, которые ничего не знали о своей роли в эксперименте. О птицах, которые просто жили.

И о десяти процентах, которые, может быть, уже начали убивать. Просто потому что не могли иначе. Просто потому что так было написано в их генах, в их мозге, в самой сути их существа.

Он повернулся и пошёл в каюту. Нужно было начинать писать статью. Впереди была зима в Осло, кабинет Ларссона, разговоры, уговоры, компромиссы. Впереди была война, которую он собирался вести в одиночку.

Но сначала — статья. Только факты. Без интерпретаций.

Глава третья

Статья вышла в январе. Журнал принял её после трёх раундов рецензирования и сорока семи правок, каждая из которых далась Михаилу как зуб, вырванный без наркоза. Название было сухим, как того требовал академический формат: «Случай неадаптивного инфантицида в колонии северного альбатроса (*Diomedea borealis*): частота, распределение, возможные причины». Ни слова о людях. Ни намёка на теорию.

И тем не менее.

Первая неделя после публикации прошла тихо. Потом кто-то из научных журналистов раскопал старые тезисы Михаила — те, что он имел неосторожность выложить на сайте института три года назад. Тезисы назывались «Этология насилия: к вопросу о биологических предпосылках внутривидовой агрессии у высших позвоночных». Там было всё — и альбатросы, и шимпанзе Гудолл, и люди. Особенно люди. Журналист прочитал, сопоставил, сделал выводы. Через сутки заголовок «Норвежский учёный: жестокость заложена в генах» висел на полусотне новостных сайтов.

Михаил проснулся в своей квартире в Осло от телефонного звонка. Звонил Ларссон.

— Вы читали?

— Что?

— Включите компьютер.

Михаил включил. Увидел. Прочитал. В горле пересохло.

— Это не то, что я писал, — сказал он.

— Это то, что они поняли. Или захотели понять. Вы давали интервью?

— Нет.

— Тогда откуда у них тезисы?

— С сайта института. Они висели там с позапрошлого года. Я забыл их удалить.

Ларссон помолчал. В трубке было слышно, как он дышит — размеренно, тяжело.

— Завтра пресс-служба выпустит опровержение. Вы не будете комментировать ничего. Вообще ничего. Ни с кем не говорить. Это понятно?

— Да.

— И готовьтесь. Будет шум.

Шум был. Неделю телефон у Михаила звонил не переставая. Журналисты хотели комментариев. Коллеги хотели объяснений. Какие-то люди с улицы звонили и молчали в трубку, или кричали, или плакали. Одна женщина сказала, что её сына убили два года назад, и теперь она знает, что убийца просто «родился таким», и это, по мнению женщины, означало, что убийцу нужно было не сажать, а лечить, и не лечить даже, а изолировать, потому что лекарства не существует. «Вы это хотели сказать?» — спросила она. Михаил не нашёлся что ответить. Женщина бросила трубку.

К концу недели его пригласили на встречу с этической комиссией института. Он шёл по коридору, мимо портретов забытых учёных, и чувствовал себя как человек, идущий по мосту, который горит с обоих концов. В комнате заседаний сидели шестеро. Ларссон — с краю, с лицом человека, который уже всё решил, но обязан соблюсти процедуру. Два профессора-этолога, которых Михаил знал шапочно. Один нейробиолог с мировым именем, седой и желчный. Представитель министерства — женщина в деловом костюме, которая всё время смотрела в телефон. И юрист института — молодой парень с лицом хорька.

— Мы рассмотрели ситуацию, — начал Ларссон. — Формально вы не нарушили процедуру. Статья в журнале — чистые наблюдения, без спекуляций. Тезисы на сайте были размещены до введения новых правил о публичных высказываниях сотрудников.

— Тогда в чём проблема? — спросил Михаил.

— Проблема в том, — подал голос нейробиолог, — что ваши наблюдения в сочетании с вашими прежними тезисами создают картину, которую пресса интерпретирует определённым образом. Институт не может позволить себе ассоциироваться с биологическим детерминизмом в вопросах насилия. Это не только научно спорно — это политически опасно.

— Научно спорно? — переспросил Михаил. — У меня два года наблюдений. Цифры. Видеозаписи. Что именно спорно?

— Спорна интерпретация, — сказал один из этологов, толстый мужчина с одышкой. — Вы связываете инфантицид у птиц с человеческой агрессией. Это антропоморфизм. У птиц нет свободы воли, нет культуры, нет морали. Их поведение — продукт эволюции. У людей — продукт общества. Сравнить некорректно.

— А если я докажу, что механизм один и тот же?

— Как вы это докажете? — спросил нейробиолог. — У вас нет данных по нейробиологии человека. У вас нет генетических данных по птицам. У вас есть только поведенческие наблюдения. Этого недостаточно для выводов такого масштаба.

— Поэтому я и предлагаю расширить исследование, — сказал Михаил. — Генетический анализ птиц-убийц. Сравнение с контрольной группой. Изоляционный эксперимент.

— Изоляционный эксперимент, — повторил юрист, и его голос был как лёд. — Вы имеете в виду вольер, который вы построили на острове без разрешения?

В комнате стало тихо. Михаил посмотрел на Ларссона. Тот не отвёл взгляда, но в глазах у него было что-то похожее на сожаление.

— Откуда вы знаете?

— Капитан катера, который вас возит, — сказал юрист. — Он видел вольер. Он упомянул его в портовом отчёте, когда запрашивался на Фарерах. Отчёт прочитали. Дальше было легко. Вы построили сооружение на охраняемой территории без согласования с природоохранным ведомством. Это административное нарушение.

— Я хотел подать заявку.

— Но не подали.

— Потому что мне бы не разрешили.

— Именно, — сказала женщина из министерства, поднимая глаза от телефона. — Вам бы не разрешили. И вы это знали. Поэтому построили самовольно.

Михаил молчал. Он смотрел на стол, на царапины на деревянной столешнице, на блики света от лампы. Он думал о двадцати четырёх птицах в вольере, которые сейчас сидели там одни, в зимней темноте. Если его отстранят, кормушки опустеют через месяц. Птицы умрут.

— Вольер нужно демонтировать, — сказала чиновница. — Или оформить официально. Второе — это год согласований, экологическая экспертиза, общественные слушания. Первое — быстрее.

— Птицы погибнут.

— Птицы не являются охраняемым видом. Северный альбатрос не в Красной книге. С юридической точки зрения это не проблема.

— С научной — проблема.

— Наука, — сказал нейробиолог, — не делается в обход закона. Если ваша теория верна, вы докажете её легальными методами. Если нет — может быть, и доказывать нечего.

Заседание длилось ещё час. Михаил почти не говорил — он понял, что всё уже решено, его позвали не для дискуссии, а для оглашения приговора. Приговор был таким: публичное предупреждение, временное отстранение от полевых работ на три месяца, обязательство демонтировать вольер или узаконить его через полную процедуру. Если он выберет узаконивание — институт не будет чинить препятствий, но и помогать не будет. Если демонтаж — институт оплатит вывоз конструкций. Третьего не дано.

Когда он вышел из здания института, шёл снег. Мокрый ословский снег, который тает на лету и превращается в грязь под ногами. Михаил стоял на крыльце и смотрел на серое небо. Он думал о том, что проиграл сражение, но не войну. У него оставались деньги от продажи квартиры — правда, квартира ещё не продана, но покупатель был. У него были данные. У него были птицы в вольере — пока живые. И у него была Анна.

Он позвонил ей в тот же вечер.

— Мне нужно закончить генетический анализ, — сказал он. — Без института. Частным порядком. У тебя есть доступ к лаборатории в Тромсё?

Анна долго молчала. Потом сказала:

— Доступ есть. Но это будет стоить денег. И если кто-то узнает, что я помогаю тебе в обход института, меня тоже уволят.

— Я заплачу. И никто не узнает.

— Самоуверенно.

— Я научился прятать следы.

Она засмеялась — коротко, без веселья.

— Ты понимаешь, что это звучит как паранойя? Тайный вольер, тайные анализы, заговор института против тебя.

— Это не паранойя, если они действительно против.

— Они не против тебя, Михаил. Они против последствий. Ты хочешь сказать людям, что они животные. Что их мораль — тонкая плёнка поверх инстинкта. Никто не хочет это слышать. И особенно никто не хочет, чтобы это говорил учёный с государственным финансированием.

— Это правда.

— Правда бывает разная. Есть правда, которая освобождает. А есть правда, которая убивает. Ты уверен, что твоя правда — первого рода?

Михаил не ответил. Он не был уверен. Но он знал, что уже не может остановиться. Это было как течение — оно подхватило его и несло, и грести против было невозможно, да и не хотелось.

Он положил трубку и сел за стол. Перед ним лежал блокнот с записями двух сезонов. Он открыл его на чистой странице и написал: «Что я знаю наверняка».

Пункт первый. В популяции северных альбатросов примерно десять процентов особей совершают акты внутривидового насилия, не имеющие адаптивной функции. Это не голод, не конкуренция, не защита. Это убийство ради убийства.

Пункт второй. Данное поведение не коррелирует с уровнем гормонов стресса, тестостерона или серотонина в доступных для полевого анализа пределах. Физиологически «убийцы» неотличимы от нормальных птиц.

Пункт третий. Частота актов насилия возрастает в периоды, когда социальный контроль ослаблен — после штормов, во время миграционной суеты, при снижении плотности гнездования. Это означает, что общество альбатросов выполняет сдерживающую функцию, аналогичную человеческому обществу.

Пункт четвёртый. Изоляционный эксперимент только начат и не дал пока результатов. Птицы в вольере адаптировались, но не приступили к размножению. Для получения значимых данных требуется не менее трёх-пяти лет.

Пункт пятый. Научное сообщество в лице руководства института не готово поддержать расширение исследования и активно препятствует ему, опасаясь социальных и политических последствий.

Пункт шестой. Если теория верна, то склонность к немотивированному насилию — врождённая характеристика части популяции любого вида социальных животных, включая человека. Она не является патологией в строгом смысле слова. Она является нормой реакции, крайним значением на кривой распределения агрессивности. Это не болезнь. Это биология.

Он перечитал написанное. Перечеркнул последнюю фразу. Написал снова: «Это биология». Подчеркнул дважды.

В дверь постучали. Он открыл. На пороге стоял Волков, мокрый от снега, с бутылкой чего-то в руке.

— Я слышал про комиссию, — сказал он. — Решил зайти.

— Заходи.

Они сидели на кухне. Михаил пил чай, Волков — что-то из своей бутылки, пахнущее анисом. За окном темнело — зимний день в Осло короток, как миг между двумя ночами.

— Я увольняюсь из московского института, — сказал Волков.

— Почему?

— Потому что они сказали мне не продолжать работу с тобой. Сказали, что это вредит моей репутации.

— И ты решил уволиться?

— Я решил, что репутация — это не то, что я хочу иметь. Я хочу знать. Как ты. Я хочу знать, почему альбатросы убивают.

Михаил посмотрел на Волкова. Молодой, красноглазый, упрямый. Он вспомнил себя двадцать лет назад — аспиранта, который верил, что наука — это поиск истины, а не компромисс с обществом.

— Ты понимаешь, что будет дальше? — спросил он. — Институт нас не поддержит. Денег не будет. Придётся работать на свои. И публиковаться в журналах без импакт-фактора. И терпеть насмешки на конференциях. И может быть, никогда не получить постоянную позицию.

— Понимаю.

— И всё равно хочешь?

— Хочу.

Михаил допил чай. Встал, подошёл к окну. За стеклом падал снег — густой, тяжёлый, такой, какой бывает только в феврале, когда зима уже устала, но весна ещё не проснулась.

— Тогда слушай план, — сказал он.

План был прост. Они продают всё, что у них есть. У Михаила — квартира, доставшаяся от матери. У Волкова — машина и дача под Москвой, оставшаяся от деда. Общих денег хватит на три года автономной работы. Они регистрируют частную исследовательскую организацию где-нибудь в офшоре — для формальной независимости. Они возвращаются на Эйдисхольм. Они расширяют вольер. Они проводят генетический анализ. Они ждут, пока птицы в вольере начнут размножаться. Они наблюдают. Они записывают. Они ничего не публикуют, пока не наберут достаточно данных, чтобы ответить на любой вопрос. И тогда они публикуют всё сразу — полный отчёт, который невозможно будет проигнорировать.

— Это называется «идти ва-банк», — сказал Волков.

— Да.

— Мне нравится.

Они просидели до утра, обсуждая детали. Михаил рисовал схемы на салфетках, Волков считал бюджет в телефоне. Снег за окном всё падал. К утру они оба охрипли, но план был готов.

В марте пришло письмо от Анны. Она провела предварительный генетический анализ образцов крови, взятых на острове. Результат был странным. У птиц-убийц обнаружился общий аллель в гене, который у млекопитающих отвечает за регуляцию дофаминовых рецепторов в префронтальной коре. Аллель был редким — он встречался примерно у двенадцати процентов популяции. У контрольной группы (птицы, не замеченные в инфантициде) этот аллель встречался у двух процентов.

— Это не доказательство, — писала Анна. — Выборка мала. Ген у птиц может выполнять другую функцию. Нужно больше образцов и функциональный анализ. Но это первая зацепка. Первая реальная зацепка, Михаил.

Он перечитал письмо трижды. Потом распечатал и положил в папку с надписью «Доказательства». Папка была тонкой. Но она начала наполняться.

В апреле он продал квартиру. Покупатель, пожилой норвежец с лицом моржа, долго торговался, но в итоге дал цену, на которую Михаил и рассчитывал. Денег хватило на оборудование — новые камеры, спутниковый терминал, набор для генетического анализа в полевых условиях, запас корма для птиц на два года. Остаток положили на счёт частной компании, зарегистрированной Волковым на Кипре. Компания называлась «Бореалис Рисёрч». В уставе было написано: «Изучение поведения животных в естественной среде». Ни слова об альбатросах, ни слова о насилии, ни слова о людях.

В мае они вылетели на Фареры. Оттуда — катером на Эйдисхольм. Капитан-исландец, тот же, что возил их все прошлые годы, посмотрел на гору оборудования и покачал головой.

— Опять вы.

— Опять, — сказал Михаил.

— Мне звонили из Осло. Спрашивали, не вожу ли я вас на остров. Я сказал — нет, не вожу.

— Спасибо.

— Я не врал. Я вас не вожу. Я везу груз. А вы — пассажиры. В моих бумагах так и записано. Так что не благодарите.

Исландец попытлел трубкой и отвернулся к штурвалу. Катер отошёл от пирса и взял курс на северо-запад. Погода была ясной, море спокойным. Михаил стоял на палубе и смотрел вперёд, туда, где за горизонтом лежал остров.

Остров. Третий год. Двадцать четыре птицы в вольере, которые ждали их — или не ждали, просто жили своей птичьей жизнью, не подозревая, что от их поведения зависит ответ на вопрос, который люди боялись задать с тех пор, как первый человек убил второго.

Катер шёл шесть часов. Остров появился на горизонте как мираж — белое пятно на синем. Птицы кружили над скалами, их были тысячи, они взлетали и садились, кричали, жили. Колония процветала. Запах гуано ударил в нос ещё до того, как катер подошёл к месту высадки.

Они выгрузились. Перетаскали ящики на берег. Исландец, не прощаясь, дал задний ход. Катер исчез за скалами. Тишина наступила не сразу — птичий гвалт стоял над островом, как всегда. Но под этим гвалтом была тишина. Тишина пустоты, одиночества, отрезанности от мира.

— Ну что, — сказал Волков, оглядывая скалы. — Дом, милый дом.

— Пошли к вольеру, — сказал Михаил.

Они пошли. Тропа за зиму заросла, но Михаил помнил каждый камень. Через полчаса они поднялись на грядку и увидели вольер.

Сетка была цела. Кормушки пусты, но птицы были живы. Двадцать три. Михаил пересчитал — двадцать три. Одной не хватало. Он открыл вольер и вошёл внутрь. Птицы шарахнулись к дальней стене. Мёртвая птица лежала у камней — это был самец, номер одиннадцать по их нумерации. Михаил осмотрел труп. Следов насилия не было. Вероятно, умер от болезни или старости.

— Двадцать три, — сказал он Волкову. — Один погиб.

— Это проблема?

— Это жизнь. Будем работать с теми, что есть.

Они починили кормушки, насыпали рыбы, налили пресной воды. Птицы не приближались, пока люди были внутри. Михаил и Волков вышли, закрыли сетку и сели на камни.

— Третий год, — сказал Волков. — Как думаешь, они начнут размножаться в этом сезоне?

— Должны. Возраст подходящий, условия идеальные. Если нет — значит, изоляция мешает им больше, чем я думал.

— И что тогда?

— Тогда будем ждать. Альбатросы живут долго. У нас есть время.

Они сидели и смотрели, как птицы в вольере осторожно приближаются к кормушкам. Михаил думал о том, что где-то среди этих двадцати трёх, согласно его теории, есть две или три птицы, которые носят в себе аллель. Которые, если дать им шанс, убьют. Просто потому что не могут иначе. Просто потому что так устроен их мозг.

И никто не знает, какие именно это птицы. Пока не знает. Пока они не начали убивать.

Вечером они разбили лагерь на старом месте. Поставили палатки, протянули тросы, разожгли очаг. Волков варил кашу на горелке. Михаил сидел с блокнотом и записывал первые наблюдения нового сезона.

«День первый. Вольер: двадцать три особи, все живы, состояние удовлетворительное. Корм принят. Основная колония: начало периода гнездования. Отмечены первые кладки. Настроить камеры завтра».

Он закрыл блокнот и поднял голову. Солнце садилось в океан, окрашивая воду в медь и золото. Птицы затихали. Где-то далеко, на скалах, альбатросы укладывались спать, прижимаясь друг к другу. Через несколько недель у них появятся птенцы. А потом — он знал это с пугающей уверенностью — начнутся убийства.

Десять процентов.

Всегда десять процентов.

Он лёг спать и долго не мог уснуть, слушая, как море бьётся о скалы. Под этот шум он в конце концов провалился в темноту, в которой не было ни птиц, ни людей, ни вопросов — только глухой ритм волн, как сердце, которое бьётся в груди огромного зверя, спящего под водой.

Глава четвертая

Четвёртый сезон на острове начался с открытия, которого Михаил не ждал. Точнее, ждал, но не так скоро. Птицы в вольере загнездились.

Это случилось в середине июня, когда солнце уже не заходило за горизонт, а только касалось его краем и снова ползло вверх, как будто не могло решиться на ночь. Михаил пришёл к вольеру в свою обычную смену — шесть утра, смена Волкова, который дежурил ночью. Волков сидел на камне с биноклем и кружкой остывшего чая. Вид у него был такой, будто он увидел привидение.

— Они строят гнёзда, — сказал он вместо приветствия.

Михаил взял бинокль. В дальнем углу вольера, у ручья, три пары синхронно таскали в клювах пучки сухой травы и складывали их в кучи. Движения были ритуальными, древними, как сам вид. Самцы приносили материал, самки укладывали. Остальные птицы наблюдали — одни равнодушно, другие с явным интересом, вытягивая шеи.

— Сколько пар? — спросил Михаил.

— Пока три. Но ещё две пары крутятся рядом, присматриваются. Думаю, к концу недели будет пять.

Михаил сел рядом с Волковым на камень. Утренний ветер тянул с моря, холодный и солёный. Чайки кричали над головой. Где-то в основной колонии, за скальной грядой, уже стоял обычный гвалт — тысячи птиц выясняли отношения, строили гнёзда, откладывали яйца. Там жизнь шла своим чередом, подчиняясь миллионолетнему ритму. А здесь, за сеткой, двадцать три птицы делали то же самое, не зная, что они — эксперимент.

— Значит, изоляция не мешает размножению, — сказал Михаил. — Это уже результат.

— Это промежуточный результат. Главный будет, когда появятся птенцы.

— Когда они появятся, мы должны быть готовы. Круглосуточная запись. Все камеры — на вольер. Основная колония подождёт.

— А если там что-то важное произойдёт?

— Там всё уже известно. Десять процентов. Мы это знаем. А здесь — неизвестно. Здесь всё в первый раз.

Они перетащили к вольеру две лучшие камеры — те, что с инфракрасной подсветкой и датчиками движения. Протянули кабели к генератору. Настроили удалённый доступ через спутниковый терминал — теперь можно было смотреть записи с ноутбука в палатке, не бегая к вольеру каждый час. Система работала с перебоями, спутник часто терял сигнал, но Михаил был доволен. У них была петля. У них было время.

Волков взял на себя основную колонию. Он ходил туда каждое утро, считал гнёзда, метил новые пары, фиксировал случаи агрессии. Анна прислала с материка запас реагентов для генетического анализа — они с Волковым наловчились брать кровь у птенцов так же ловко, как она. Образцы складывали в переносной холодильник, работающий от солнечных батарей. К осени должен был набраться материал для полноценной статистики.

Июнь перетёк в июль. В вольере появились яйца — пять кладок, по одному яйцу в каждой, как и положено альбатросам. Птицы сидели на гнёздах попеременно, самец и самка сменяли друг друга каждые пять-шесть часов. Всё шло по учебнику. Идеально. Слишком идеально.

— Мне это не нравится, — сказал Волков однажды вечером. Они сидели у очага, ели рыбные консервы с галетами. — Слишком гладко. Как в инкубаторе.

— Это хорошо. Мы создали идеальные условия. Теперь смотрим, что будет.

— А если ничего не будет? Если они все вырастят птенцов и никто никого не убьёт?

— Тогда я ошибся. И мы закрываем проект.

— Ты сможешь это признать?

Михаил отложил галету. Посмотрел на огонь. Искры улетали в серое небо, смешиваясь с пеплом.

— Я хочу ошибиться, — сказал он тихо. — Ты не понимаешь, как сильно я хочу ошибиться. Если я ошибаюсь — значит, всё, что мы знаем о зле, правда. Зло — это выбор. Свободный выбор человека. И с ним можно бороться. Воспитанием, законами, культурой. Можно построить рай, и в раю не будет убийц. Но если я прав — тогда рая нет. Нигде. Даже у альбатросов. Даже здесь, за сеткой, в идеальных условиях. Тогда всё, что мы делаем — строим заборы. Только заборы. А зверь всё равно внутри.

Волков молчал. Он был молод и ещё верил в прогресс. В то, что человек становится лучше. Что история идёт куда-то, куда стоит идти. Михаил тоже верил когда-то. До острова. До альбатросов. До цифр, которые не укладывались ни в одну теорию, кроме самой страшной.

В конце июля вылупились первые птенцы.

Это произошло ночью. Михаил проснулся от сигнала — датчик движения в вольере сработал. Он сел к ноутбуку, включил трансляцию. На экране, в зеленоватом свете инфракрасной подсветки, самка в гнезде номер три привстала, и из-под неё показался мокрый комок — птенец, только что пробивший скорлупу. Он шевелился, открывал клюв, требовал еды. Самка склонилась над ним и начала кормить отрыгнутой рыбой.

Михаил смотрел, не отрываясь. Что-то в нём дрогнуло — то, что всегда дрожит при виде новой жизни, даже у самых зачёрстневших наблюдателей. Он разбудил Волкова.

— Началось.

— Что?

— Вылупление. Гнездо номер три.

Волков подскочил к ноутбуку. Они смотрели вдвоём, как птенец обсыхает под матерью, как неуклюже пытается поднять голову, как тычется слепым клювом в материнское оперение. Это было чудо. Или просто биология — смотря с какой стороны посмотреть.

Через три дня вылупились все пять птенцов. Пять серых пушистых комков, пищащих и требующих еды. Родители работали без остановки — летали к воде, ловили рыбу, возвращались, кормили. В вольере стоял ровный гул довольной, сытой жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.